

ствования действующего уголовно-процессуального законодательства [3, с. 102], либо о подготовке и принятии нового УПК [1, с. 7; 5, с. 62].

Помимо рассмотренных предложений, связанных с совершенствованием действующего УПК РФ, ряд ученых-процессуалистов высказывают точку зрения о необходимости разработки и принятия нового уголовно-процессуального закона, регламентирующего электронное производство по уголовному делу [2, с. 730; 4, с. 95–96].

Нам кажется, что переход к новым цифровым технологиям в уголовном судопроизводстве неизбежен, поскольку информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Пока производство по уголовному делу относится к видам деятельности российского государства, в наименьшей степени подвергшимся цифровизации.

Однако разработка нового уголовно-процессуального законодательства, переход на его основе к электронному уголовному делу должны быть постепенными и последовательными.

В первую очередь требуются значительные усилия ученых-процессуалистов, связанные с подготовкой соответствующих научных работ. Проект нового уголовно-процессуального закона должен быть подготовлен с привлечением ведущих ученых-процессуалистов, а также практиков. Он должен учитывать передовой опыт зарубежных государств, связанный с внедрением в уголовное судопроизводство цифровых технологий. Принятие нового УПК РФ должно сопровождаться подготовкой необходимого программного обеспечения, а также повышением квалификации лиц, ведущих производство по уголовному делу.

1. Балакшин, В.С. Еще три аргумента в пользу принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / В.С. Балакшин // Вестн. Ур. юрид. ин-та МВД России. – 2017. – № 3. – С. 3–7.

2. Вилкова, Т.Ю. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов к электронному уголовному делу / Т.Ю. Вилкова, Л.Н. Масленникова // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2019. – Вып. 46. – С. 728–751.

3. Гаврилов, Б.Я. 15 лет УПК РФ – мифы и реалии досудебного производства / Б.Я. Гаврилов, А.В. Красильников // Акад. мысль. – 2017. – № 1. – С. 100–110.

4. Качалова, О.В. Уголовно-процессуальные проблемы информатизации современного уголовного судопроизводства / О.В. Качалова // Рос. правосудие. – 2019. – № 2. – С. 95–98.

5. Кругликов, А.П. Некоторые проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства и необходимость принятия нового УПК РФ / А.П. Кругликов // Legal Concept. – 2018. – № 2. – С. 59–62.

МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В 2018 г. в российском уголовно-процессуальном законодательстве появилась мера пресечения в виде запрета определенных действий. За сравнительно небольшой промежуток времени данная мера показала, что является хорошим и эффективным инструментом воздействия на подозреваемого и обвиняемого.

В настоящее время применение меры пресечения в виде запрета определенных действий предусмотрено ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

В данной статье рассмотрен запрет на управление транспортным средством как один из видов запретов, устанавливаемых судом в качестве меры пресечения. Актуальность выбранной темы обусловливается наличием правовых и практических проблем, возникающих в процессе применения и контроля данного запрета.

Запрет на управление транспортным средством довольно часто используется судом при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения. Так, только в Республике Коми за 2021 г. в отношении 50 лиц был наложен запрет на управление транспортным средством [1].

Рассмотрим правовую основу, регламентирующую меру пресечения, – запрет управлять транспортным средством. Согласно п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запрет на управление автомобилем или иным транспортным средством возлагается, если преступление связано с нарушением правил дорожного движения [2]. В ч. 11 данной статьи в также прописано о контроле за соблюдением подозреваемым и обвиняемым запретов, установленных ст. 105.1 УПК РФ. Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства контроль за соблюдением запретов, предусмотренных п. 1–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, возлагается на федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие правоприменительные функции по надзору в сфере исполнения уголовных наказаний [2], т. е. уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ).

УИИ, в свою очередь, при контроле за указанными запретами руководствуется приказом Министерства юстиции России от 20 мая 2009 г.

№ 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» [3].

Регламентация порядка и условия исполнения наказания в виде запрета управления транспортным средством обозначена в указанной Инструкции. Следует не путать наказание с запретом, который возлагается судом в качестве меры пресечения.

При исполнении данного запрета как вида уголовного наказания водительское удостоверение изымается. В качестве контроля за запретом управления транспортным средством проводятся проверки со стороны федеральных органов исполнительной власти. По ежеквартальному запросу в центр видеофиксации ГИБДД инспектор проверяет наличие нарушений дорожного движения и управления транспортным средством, зарегистрированным на обвиняемого. При установлении факта нарушения – берет письменное объяснение с осужденного и не засчитывает в срок наказания время, в которое осужденный нарушил данный запрет.

Запрет управления транспортным средством в качестве меры пресечения контролируется следователем, дознавателем, либо сотрудниками ГИБДД. При задержании лица, управляющим транспортным средством, в отношении которого судом наложен запрет на управление, сотрудниками ГИБДД данное лицо будет привлечено к административной ответственности за управление транспортным средством без водительского удостоверения. При установлении факта нарушения суд по представлению следователя может заменить меру пресечения на более строгую.

Проанализировав контроль за исполнением меры пресечения в виде запрета управления транспортным средством, можно сделать вывод: имеющийся контроль со стороны правоохранительных органов не является эффективным, и установить факт его нарушения является проблематичным. Следует также учитывать, что не всегда полученная информация из центра видеофиксации ГИБДД свидетельствует о том, что управление транспортным средством осуществлялось подозреваемым, обвиняемым, имеют место быть случаи, когда одним транспортным средством могут управлять и другие лица, имеющие на это право.

Предлагаем внести изменения и усовершенствовать ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ, в части, касающейся контроля за соблюдением запретов, а именно контроль за соблюдением запрета (и остальных запретов) на управление транспортным средством возложить на федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, в целях более эффективного контроля со стороны правоохранительных органов, тем самым систематизировать запреты и отнести их контроль к одному органу.

Таким образом, вывод: меры пресечения, не связанные с лишением свободы, имеют достаточно давнюю историю. Кроме того, они содержат в себе значительный потенциал для контроля поведения лица, привлеченного к уголовной ответственности. Мера пресечения в виде запрета управлять автомобилем или иным транспортным средством является действенным инструментом профилактики преступлений в сфере безопасности дорожного движения.

1. [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=66869844 (дата обращения: 20.10.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. (ред. от 18.02.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921 ; 2020. – № 8. – Ст. 919.

3. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста России, 20 мая 2009 г., № 142, № 5 // Ведомости уголов.-исполн. системы. – 2012. – № 4.

УДК 343

В.А. Шиплюк, Д.В. Саяпина

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО «ТРЕТЬИХ» ЛИЦ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В юридической науке существуют межотраслевые институты, находящиеся на стыке частного и публичного права, которые вызывают трудности в правоприменении в связи со сложностью нахождения баланса между публичными и частными интересами [1, с. 144]. В частности, таким институтом является институт гражданского иска в уголовном процессе.

У правоприменителей часто возникают проблемы толкования законодательных норм при решении вопроса о применении в качестве обеспечительной меры по гражданскому иску в уголовном процессе наложения ареста на имущество «третьих» лиц. В данном институте затрагивается частный интерес (защита вещных прав лиц) и публичный (обеспечение интересов правосудия, сохранности вещественных доказательств, обеспечение возможной конфискации имущества) [2, с. 141].

Часть 3 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [3] устанавливает возможность наложения ареста на